

Дискуссии и обсуждения

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ НАЦИИ

В. И. Козлов

Теория нации как особой формы общности людей имеет большое значение для многих наук и для понимания существа национальных явлений, занимающих столь важное место в современной истории человечества. В научной теории нации должны быть рассмотрены сущность понятия и характерные отличия нации от других форм общности людей, предшествовавших ей в развитии или существующих одновременно с нею, вскрыты условия образования наций, определены факторы, которые облегчают или, напротив, тормозят этот процесс, показаны изменения, происходившие с нацией в ходе исторического развития общества. К сожалению, степень разработки этой теории в настоящее время пока еще не соответствует ее научной и практически-политической значимости. Поэтому обсуждение проблем теории нации в журнале «Вопросы истории» представляется актуальным и нужным, хотя и весьма нелегким предприятием. Трудность разработки теории нации и, в частности, определения понятия «нация» обусловлена главным образом тем обстоятельством, что нация является очень сложным общественным образованием. Процесс формирования наций в разных странах мира отличался большим своеобразием, в результате чего они приобрели такие индивидуальные особенности, которые нередко встают почти непреодолимой стеной на пути к широким обобщениям. Существенной помехой является и слабо разработанная терминология — некоторая неустойчивость смыслового значения как самого слова «нация», так и родственных ему терминов «народ», «народность», «национальность» и других, которыми приходится оперировать при определении понятия «нация»¹. В связи с этими трудностями проступающее во многих опубликованных в нашей печати работах стремление во что бы то ни стало дать краткое определение понятия нации далеко не всегда оправданно. Сжатые определения всегда несовершенны уже тем, что не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии. Такие определения вполне хороши лишь тогда, когда за ними, как, например, за известным опре-

¹ Слово «народ» мы употребляем обычно для обозначения всех видов этнических общностей: племен, народностей и наций. В настоящее время Институтом этнографии АН СССР завершается выпуск многотомной серии «Народы мира», где термин «народ» употребляется как равнозначный и в то же время более широкий, чем термин «нация» («русский народ», «итальянский народ» и т. п.). Вместе с тем мы нередко говорим и пишем «советский народ», «индийский народ» и т. п., охватывая этим понятием много наций и других этнических общностей, живущих в пределах одного государства. А не так давно в нашей печати стало использоваться выражение «народ в составе нации», в частности применительно к негритянскому населению США. Слово «национальность» употребляется для обозначения народностей и наций («Совет национальностей») и просто для обозначения национальной принадлежности (вопрос: «Ваша национальность?») и т. д.

делением К. Маркса понятия «капитал» («капитал — это стоимость, приносящая прибавочную стоимость»), стоят тома скрупулезного исследования определяемого явления. Когда же подобное определение выводится в весьма ограниченной по своим размерам статье или в разделе какой-то более крупной работы, посвященной, в сущности, другому вопросу, то исследователя подстерегает ряд опасностей. Одни из них связаны с тенденцией делать обобщающие выводы на ограниченном фактическом материале, другие (что в методологическом отношении еще хуже) — с тенденцией отбирать лишь тот фактический материал и лишь такие высказывания классиков марксизма-ленинизма, которые можно было бы уложить в заранее подготовленную схему.

Хотя в открывшей дискуссии статье П. М. Рогачева и М. А. Свердлина сделана попытка творческого подхода к определению понятия нации, все же многие ее места кажутся нам спорными. В самом начале статьи авторы отмечают, что недостатки распространенного в советской литературе определения нации (на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры) связаны с тем, что оно «строилось на исторически ограниченном материале в основном из жизни европейских наций»². Однако используемый в их статье фактический материал невелик. В отдельных случаях не совсем удачны ссылки на литературу³. Более насыщена фактическим материалом статья М. С. Джунусова («Вопросы истории», 1966, № 4), однако значительное число затронутых в ней проблем так и осталось нераскрытым. Детальной разработкой заслуживает, в частности, вопрос о соотношении нации с другими видами социально-этнических или просто этнических общностей людей — народностью и племенем — и вопрос о роли количественного фактора. Конечно, нация — это не просто группа людей, но *большая* группа людей. Если средняя численность племен измеряется несколькими сотнями или тысячами человек, то средняя численность наций измеряется уже сотнями тысяч и миллионами человек, ибо только такие размеры их могут обеспечить внутреннее разделение труда, соответствующее развитию способу производства; особое значение в этом отношении имеет, по нашему мнению, создание национальной интеллигенции. Однако конкретные размеры наций и влияние количественного фактора в различных исторических и социально-экономических условиях еще ждут своего исследования. Несколько по-иному и, на наш взгляд, более правильно подошел к поставленной задаче С. Т. Калтахчян («Вопросы истории», 1966, № 6), который, не пытаясь охватить весь круг вопросов, связанных с определением понятия «нация», и дать, как это старались сделать предыдущие авторы, «свое» определение, сконцентрировал внимание на некоторых из этих вопросов, в том числе и на анализе методологической базы исследования.

Прозвучавший в статье С. Т. Калтахчяна призыв исходить из конкретного материала, несомненно, найдет сочувствие у всех исследователей, сталкивавшихся с трудностью, а иногда и невозможностью приложения жесткого определения нации на основе четырех обязательных признаков (содержание которых до сих пор еще не вполне раскрыто) к реально существующим народам мира.

² П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. О понятии «нация». «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 34.

³ Так, например, говоря о развитии процессов национальной консолидации в некоторых странах Африки еще до освобождения их от колониального гнета (стр. 48), авторы ссылаются на книгу М. Эгрето «Алжирская нация существует» (М. 1958), в которой доказывается, что арабы и европейские поселенцы уже слились в единую нацию; последующие события в Алжире, завершившиеся переселением из него во Францию подавляющего большинства лиц европейского происхождения, показали, что выводы М. Эгрето были по меньшей мере преждевременны.

Разработка теории нации и соответствующей дефиниции в настоящее время явно нуждается в крупных монографических исследованиях, основанных на анализе накопленного наукой большого фактического материала (исторического, этнографического, лингвистического и т. д.) и всех высказываний основоположников марксизма-ленинизма. Существенное внимание должно быть уделено, в частности, мало привлекавшимся до сих пор статьям Ф. Энгельса, в которых рассматривается исторический процесс формирования европейских наций⁴. В круг этого исследования должны быть включены и типологически родственные нации общности людей — племя и народность, составляющие вместе с ней группу так называемых этнических общностей. В рамках данной статьи нам придется ограничиться кратким анализом некоторых положений уже опубликованных статей и рассмотрением наиболее важных, на наш взгляд, проблем, не нашедших в них своего отражения.

Предлагаемая в статье П. М. Рогачева и М. А. Свердлина, а также в статье М. С. Джунусова модификация бытовавшего до сих пор определения нации заключается прежде всего в уточнении признака общности психического склада, проявляющегося в общности культуры. Критический анализ этого признака занимает одно из центральных мест и в статье С. Т. Калтахяна. Действительно, включение в число основных признаков нации общности психического склада или общности культуры малообоснованно. Психический склад, или характер, людей⁵ определяется, как известно, факторами биологическими и социальными. Биологические факторы — прежде всего пол, возраст и темперамент — не имеют органической связи с этнической общностью; темперамент связан больше с климатическими и расовыми особенностями, чем с национальной принадлежностью; тот факт, что у конкретного народа может преобладать тот или иной темперамент, не противоречит, конечно, указанной общей закономерности. В число социальных факторов, оказывающих определяющее влияние на характер, входит этническая среда, однако ведущую роль играет классовое и профессиональное положение людей, не дающее возможности, особенно в классово-антагонистическом обществе, образованию какой-то общности психического склада. Русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели различный психический склад; если даже взять только русских крестьян, то и тогда окажется, например, что психический склад кубанских казаков, считающихся членами русской нации, более близок к психическому складу других народов Северного Кавказа, чем к северорусским поморам, психический склад которых, в свою очередь, обнаруживает близость к соседствующему с ними другому народу — карелам. Практическое изучение психического склада наций зачастую сводится к тому, что всей нации приписываются те или иные качества, взятые из психологии индивидуумов, что создает почву для произвольных характеристик⁶. Именно поэтому понятие «национальный характер» пользуется столь широкой популярностью у буржуазных ученых, особенно у сторонников «психологического расизма», пришедшего на смену биологическому расизму, и имен-

⁴ Имеются в виду прежде всего статьи «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» и «Роль насилия в истории» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 21).

⁵ Эти понятия, по нашему мнению, достаточно близки между собой, и попытка С. Т. Калтахяна резко отделить одно от другого представляет в основном лишь терминологический интерес.

⁶ Так, например, В. В. Алексеев определяет русский национальный характер такими основными чертами, как «чувство национальной гордости, преданность Родине, чувство товарищества, твердость духа, смекалка, миролюбие», заявляя, что другим народам многие (но не все!) из этих хороших качеств свойственны лишь «в той или иной степени» и что испанцам, например, свойственна прежде всего лишь «темпераментность» (?!), а французам — «юмор и остроумие» (см. В. Алексеев. Род, племя, народность, нация. М. 1962, стр. 29).

но поэтому нашим ученым, признающим существование такого признака нации, столь трудно раскрыть подлинно научное содержание понятия «национальный характер». Конечно, исследователю национальных проблем следует считаться с широко бытующим среди населения представлением о существовании особых национальных характеров, национальных стереотипов психического склада, но в научной теории нации было бы правильнее говорить не об общности психического склада, какого-то «национального характера», а об исторически складывающихся некоторых специфических особенностях психического склада у отдельных групп людей (классовых и профессиональных, этнографических и др.), составляющих эту нацию.

Вопрос об общности культуры более сложен в связи с обширностью и некоторой неопределенностью понятия «культура». Если конкретизировать это понятие и обратиться, например, к материальной культуре, то мы окажемся перед многочисленными случаями сильной дифференциации элементов этой культуры особенно внутри крупных наций, части которых обитают в различных природных условиях и заняты различными видами хозяйственной деятельности, и, напротив, — сильным сходством их у частей разных наций. Кроме того, материальная культура, тесно связанная со способами производства, обнаруживает тенденцию к нивелировке существовавших некогда различий; нет, по-видимому, ни одной нации, члены которой имели бы только присущие им «национальные» орудия труда, одевались бы только в особую «национальную» одежду, жили только в «национальных» жилищах и питались бы только особой «национальной» пищей. Что же касается духовной культуры, то, исключая те ее элементы, которые непосредственно связаны с общностью языка, общность ее наблюдается далеко не у всех наций. В классовом антагонистическом обществе не может быть общности духовной культуры нации. Прикрываясь тезисом об общности культуры капиталистических наций, идеологи культурно-национальной автономии пытались решить национальный вопрос в ущерб общим задачам революционной борьбы пролетариата. В работах по национальному вопросу В. И. Ленин неоднократно говорил об отсутствии общности культуры в капиталистическом обществе, писал о том, что в каждой буржуазной нации есть две нации, а в каждой национальной культуре — две культуры, и подчеркивал, что любая попытка защиты тезиса об общности культуры буржуазных наций неизбежно ведет к национализму. Общность национальной духовной культуры оказывается, таким образом, в лучшем случае свойственной лишь нациям социалистическим. В связи с этим, определяя нацию, следует делать упор не на «общность культуры», а на те специфические ее элементы (например, в области народного творчества) и бытовые особенности людей (в одежде, пище, поведении и т. д.), которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности.

Наряду с критическим отношением к признаку общности психического склада, проявляющегося в общности культуры, П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, а также М. С. Джунусов достаточно единодушно включают в число признаков нации национальное самосознание. По нашему мнению, национальное самосознание — чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющее их в один социальный коллектив, — является, несомненно, важным признаком нации. Этот признак уже получил признание в советской этнографической науке; им широко пользуются на практике — при определении национальной принадлежности населения (например, в переписях), причем признак языка в этом случае отходит на второе место. Национальное самосознание есть один из видов общественного сознания: оно вырастает и развивается под влиянием объективных причин в ходе исторического развития данного наро-

да и играет в его жизни несравненно более видную роль, чем «психический склад», с которым его иногда смешивают. Важность национального самосознания связана, в частности, с тем обстоятельством, что, подобно другим идеологическим формам, оно обладает известной самостоятельностью. Оно может сохраняться даже при территориальном и хозяйственно-культурном разобщении членов нации и при утрате частью их своего родного языка. Оно может расти под влиянием идей, то есть в том случае, когда материальные предпосылки его, например, территориальная или языковая общность, нарушены, а достигнув определенной стадии развития, способно оказывать обратное влияние на породившие его факторы. Наглядным примером такого воздействия являются движения за воссоединение национальных территорий (например, у поляков в XIX — начале XX в.), движения за возрождение и развитие родного языка (например, у чехов в XIX в., у ирландцев в XX в.). В целом нация, как особая форма общности людей, достаточно реально проявляет себя лишь в том случае, если у ее членов развито национальное самосознание. В тех случаях, когда национальное самосознание развито слабо, когда складывающаяся национальная интеллигенция или политические деятели государств, в границах которых формируется нация, только пытаются пробудить его, само существование нации ставится под сомнение.

Не останавливаясь за недостатком места на анализе некоторых частных вопросов, связанных с определением понятия «нация», но еще слабо освещенных в нашей литературе, в частности на соотношении национальной и расовой, национальной и религиозной общности, перейдем к центральной, по нашему мнению, проблеме теории нации, без решения которой невозможно сформулировать и научное понятие нации. Речь идет о соотношении нации и государства, национальной и государственной общности и, в частности, о влиянии фактора государственности на процесс образования наций.

Эта проблема косвенно затрагивается в статье П. М. Рогачева и М. А. Свердлина, которые, характеризуя признак «общности территории», пишут: «Понятие территориальной общности предполагает не только географическую близость, но и проживание людей в рамках одного государства, неразделенность их государственными границами» (стр. 37). Представление о неразрывной связи территориальной общности с государственной подкрепляется ими, в частности, ссылкой на туркмен, прежняя «территориальная разобщенность» которых отождествлена с делением этого народа на части государственными границами, а «территориальное воссоединение» — с образованием в 1920-х годах национальных республик Средней Азии. Однако в методологическом и практическом отношении подобное смешение понятий не выдерживает критики.

Понятие общности территории, несмотря на всю важность этого признака нации, еще не было достаточно полно раскрыто в нашей литературе. В этнографической науке при характеристике народов мира обычно пользуются термином «этническая территория», под которой понимается область формирования и расселения того или иного народа, накладывающая отпечаток на его самосознание (понятие «родная земля»), на его культуру и быт и сама, в свою очередь, подвергающаяся его влиянию (понятие «культурный ландшафт»). Территория является базисом, материальной основой развития исторически складывающихся между живущими на ней группами людей различных, в том числе и хозяйственных, связей; в выдвинутом П. М. Рогачевым и М. А. Свердлиным тезисе «общность хозяйственной жизни служит самой надежной основой прочной территориальной общности» (стр. 37) причина и следствие явно поменялись местами. Говоря об общности территории,

мы понимаем под ней нерасчлененность этнической территории крупными естественными рубежами (например, морями) или инациональными массивами; наличие государственно-политической границы само по себе не нарушает целостности этнической территории, хотя со временем может привести к серьезным различиям в национальном развитии отдельных частей народа. Тот факт, что этническая территория украинцев в течение нескольких столетий была разделена государственными границами, не означал, конечно, что в это время восточные, западные и закарпатские украинцы территориально отделились друг от друга (как это произошло, например, со шведами, переселившимися из Швеции на южное побережье Финляндии) и не имели общности территории. С другой стороны, недавнее временное политическое объединение Египта и Сирии (1958—1961 гг.) не могло привести и не привело даже к кратковременному появлению у египтян и сирийцев территориальной общности.

Анализ территориальной общности различных народов мира ставит перед исследователем целый ряд проблем, достаточно сложных и без того, чтобы усугублять их привнесением проблем государственно-политической общности. Так, например, западносибирские и поволжские татары, считающиеся не без оснований одним народом, складывались каждый на своей, удаленной от другой этнической территории. Признак общности территории трудноприложим даже к одним поволжским татарам, расселенным на огромном пространстве от Средней Волги до реки Урал чересполосно с русскими, башкирами и другими народами. Принято считать, что татарская нация сформировалась уже к началу XX в., однако все описания процесса ее образования весьма абстрактны, так как территориальные рамки этой нации неопределенны. Если встать на точку зрения П. М. Рогачева и М. А. Свердлина и связать образование общности территории татарской нации с образованием Татарской АССР, то, во-первых, указанную выше дату следует изменить, а во-вторых (и это главное), в пределах данной республики находится лишь 27% татар СССР, и непонятно, что же представляет собой в национальном отношении остальная часть (73%) татарского населения. Достаточно посмотреть на этническую карту, чтобы увидеть десятки подобных этнотерриториальных проблем.

Некоторые стороны вопроса о соотношении нации и государственности применительно к СССР рассмотрены в статье П. Г. Семенова⁷. Концентрируя свое внимание на теоретическом обосновании национально-территориального строительства и отмечая, что в условиях СССР практически все компактно расселенные нации имеют свою государственность, он пишет о принципиальной возможности существования социалистической нации и без национальной государственности (стр. 77). Доказательства, приведенные П. Г. Семеновым, носят несколько умозрительный характер и не затрагивают существа рассматриваемой нами проблемы.

Анализ соотношения национальной и государственной общности помогает более правильно определить место и роль экономической общности, или общности хозяйственной жизни, которую П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, как и большинство других наших философов, считают главным признаком нации. Под экономической общностью нации понимается экономическая связанность всех частей нации в единое хозяйственное целое, объединение ее местных рынков в общий национальный рынок. В отличие от экономической общности страны или отдельной экономико-географической области, в основу которой кладется территориальное разделение труда — территориальный принцип, в основу экономической общности нации кладется прежде всего национальная при-

⁷ П. Г. Семенов. Нация и национальная государственность в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 7.

надлежность населения — национальный принцип. Согласно признаку экономической общности, «каждая нация, — пишут П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, — представляет собой нечто особенное в хозяйственном отношении по сравнению с другими нациями» (стр. 36), а члены ее, следовательно, имеют свои экономические интересы по сравнению с членами других наций. В подобных рассуждениях немало спорного. Конечно, экономический фактор, определенный уровень развития производства играют ведущую роль в возникновении нации (как и многих других видов общностей людей — классовых, государственных и т. д.). Нация — это социальная категория, возникающая в капиталистическую эпоху, а для капитализма характерно развитие экономических связей, возникновение экономической общности населения. Однако ограничиться подобным тезисом нельзя, ибо национальные связи, определяясь в конечном счете экономическими, к ним не сводятся и национальные отношения — это не отношения людей, складывающиеся в процессе производства. Мы не должны, конечно, противопоставлять условия возникновения тех или иных явлений их основным признакам, но отождествлять их значило бы нарушить элементарные законы логики.

Сложность проблемы экономической общности нации связана с тем обстоятельством, что экономические факторы обычно влияют на формирование наций косвенным путем, через соответствующие надстроечные формы — политические, идеологические и др. Особенно велика роль политического фактора — государства, пришедшего на смену первоначальной, родоплеменной организации общества. И не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс, а затем и В. И. Ленин, заложившие в своих трудах основы научной теории нации, постоянно подчеркивали важную роль фактора государственности в процессе образования наций. Было бы большим упрощением считать, что вступление того или иного народа (формирующейся нации) в капиталистическую стадию развития автоматически приводит к возникновению внутри него экономической общности. Необходимое условие возникновения экономической общности — общность территории; если последняя в связи с территориальным смешением народов оказывается нарушенной, то части формирующейся нации уже не могут образовать чисто национальную экономическую общность. Однако дело не только и даже не столько в этом. Анализ понятия экономической общности приводит к выводу, что эта общность свойственна не столько нации, сколько государству и определяется не национальными, а политическими границами. Разделение труда между отдельными районами страны и установление связи между ними (транспорт, почта и др.), единая денежная система и порядок сбора налогов, таможенные ограничения и многие другие факторы, которыми можно определить реальную экономическую общность населения, исторически связаны не с нациями, а с капиталистическими государствами. Сама специфика формирования наций в различных странах мира, как мы попытаемся показать ниже, определяется главным образом соотношением языково-территориальных и государственно-политических элементов. Поэтому проблему экономической общности нации целесообразно рассматривать совместно с вопросом о роли фактора государственности.

Характеризуя процесс развития этнических общностей в странах Европы, Ф. Энгельс писал: «Как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации... Правда, в течение всего средневековья границы распространения языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством...»⁸.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 410.

Это положение, подчеркнутое и в ряде других работ К. Маркса и Ф. Энгельса, детально рассмотревших процесс образования некоторых европейских наций, имеет большое методологическое значение, так как исторически все национальные движения направлены на образование национальных государств или определенных форм национальной автономии в пределах многонациональных государств. В. И. Ленин, обобщая вопрос о связи национальных движений с мировым экономическим развитием, писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»⁹.

В Европе процесс образования национальных государств — политическое объединение земель с населением, говорящим на одном языке, — и был, по Марксу и Энгельсу, наиболее типичным процессом образования наций. Так как у первых европейских наций он начался еще в средние века, то большое значение, как указывает Ф. Энгельс, приобретала королевская власть, которая была «представителем образующейся нации», выполняющая функции еще слабой в тот период буржуазии: «Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество...»¹⁰ При этом образование национальных государств обычно представляло собой не процесс какого-то мирного хозяйственного слияния различных областей с последующим оформлением этого слияния политически, а процесс их насильственного объединения. На Британских островах уже норманнское завоевание (вторая половина XI в.) создало важную предпосылку национального сплочения в виде строгой политической централизации. Но здесь образовались две резко разграниченные этнические единицы: могущественная и сплоченная, хотя и сравнительно малочисленная, франкоязычная норманнская аристократия и политически бессильная и разобщенная масса англосаксонского населения. Постепенное сближение этих групп, по крайней мере языковое, заняло более трех веков; лишь в середине XIV в. английский язык (то есть сильно офранцузенный англосаксонский) стал общеупотребительным в государственной и культурной жизни страны, а английский народ — исторической реальностью. Складывание французской нации началось с «собрания» сравнительно однородных в этническом отношении феодальных владений под властную руку королей — Капетингов, то есть с политического объединения страны. Однако историческое развитие Северной и Южной Франции привело к образованию двух самостоятельных национальностей, которые слились в одну нацию только после их насильственного объединения. Рассматривая этот процесс, К. Маркс писал: «Южнофранцузская национальность в средние века была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская — русской. Южнофранцузская — *vulgo* провансальская — нация не только проделала во времена средневековья «ценное развитие», но даже стояла во главе европейского развития. Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык... И все же она, подобно Польше, была сначала поделена между Северной Францией и Англией, а позднее вся была покорена французами»

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 258, 259.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 345.

северянами». И далее: «В течение целых веков французы-южане боролись против своих угнетателей. Но историческое развитие было неумолимо. После трехсотлетней борьбы их прекрасный язык был низведен на степень местного диалекта, а сами они стали французами»¹¹.

Своеобразно протекал процесс национального развития на Пиренейском полуострове, большая часть населения которого, как и во Франции, была сравнительно однородна в этнолингвистическом отношении. В ходе борьбы за освобождение страны от арабов (реконкисты), сопровождавшейся перетасовкой населения, здесь сложилось то языковое, а в значительной степени и культурное единство, которому не хватало только политического и экономического объединения. Первое было достигнуто слиянием крупнейших испанских королевств — Арагона и Кастилии в одно королевство, второе сложилось постепенно, в ходе развития капиталистических отношений. Вне этого объединения осталась юго-западная часть полуострова, выделенная еще в XI в. в особое графство и пожалованная в виде приданого бургундскому графу Генриху; национальное развитие населения этой области, получившей название Португалии, из-за политической обособленности пошло самостоятельным путем и привело к сложению португальской нации, в то время как отсеченная границей часть португалоязычного населения образовала в пределах Испании особый народ — галисийцев. Оказавшиеся в границах Испании баски и близкие по языку и культуре к испанцам каталонцы также сохранили свою этническую обособленность. В других частях Западной Европы роль фактора государственности также была весьма заметной. Оставшиеся за границами Франции области с франкоязычным населением дали начало самостоятельным народам — валлонам и франко-швейцарцам. Германоязычный массив, рассеченный на части политическими границами, дал начало немцам, австрийцам, германо-швейцарцам, эльзасцам и люксембуржцам. Однако роль этого фактора, конечно, не следует возводить в абсолют. Политическое объединение разноязычных народов в границах Бельгии и Швейцарии, несмотря на тесные экономические связи между этими народами, несмотря на широкое распространение двуязычия, пока еще не завершилось (особенно в Бельгии) образованием единых наций¹².

Переходя к рассмотрению процесса формирования наций в странах Восточной Европы, следует подчеркнуть, что здесь этот процесс имел существенные качественные особенности. Если в Западной Европе типичным было национальное государство, то здесь, в границах больших государств, России и Австро-Венгрии, оказались объединенными десятки разноязычных, нередко далеких друг от друга по своему происхождению и культуре народов. Ограничиваясь примером национального развития народов России, отметим, что классическая западноевропейская схема формирования нации проступает отчетливо лишь в развитии крупнейшего народа — русских, составивших ядро этого государства. Национальное развитие русских, как и крупнейших народов Западной Европы, шло путем политической централизации

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 377—378.

¹² Утверждение М. С. Джунусова, будто опыт «Швейцарии и Бельгии показывает, что общность государства и длительное общение народов способствуют возникновению единого национального самосознания у разных, давно сложившихся наций» (стр. 25), вызывает серьезные возражения. Ни валлоны и фламандцы, населяющие Бельгию, ни германо-швейцарцы, франко-швейцарцы, итало-швейцарцы и ретороманцы, населяющие Швейцарию, не являются «давно сложившимися нациями»; все это народы, находящиеся в еще далеко не завершеном процессе национальной консолидации и не имеющие единого национального самосознания. Последние острые столкновения между валлонами и фламандцами из-за вопроса о применении французского и фламандского языков свидетельствуют о том, что часто встречающийся в литературе термин «бельгийцы» имеет не этнический, а государственно-политический смысл. То же самое относится и к термину «швейцарцы».

отдельных, прежде независимых земель, сопровождавшейся установлением между ними более тесных экономических и культурных связей. Что же касается других народов России, то их развитие приобрело весьма специфические формы. Замедленные темпы социально-экономического развития большинства народов России, государственно-хозяйственная связанность их с господствовавшей нацией и друг с другом тормозили процесс формирования периферийных (по отношению к великорусской) наций и в некоторых случаях выдвигали у них на первый план борьбу не за политическую и экономическую автономию, а за национальное равноправие, свободное развитие языка и культуры. При разработке теории нации и выведении определения понятия «нация» следует постоянно учитывать специфику многонациональных стран, тем более, что национальный вопрос был и остается прежде всего вопросом об отношениях между нациями в пределах одного государства. Однако как раз в случае многонациональных государств признак экономической общности отдельных наций теряет в значительной степени свой смысл. В капиталистической России не только татары, но даже, например, более компактно расселенные украинцы не имели каких-то особенных «украинских» или «татарских» экономических связей, обособлявших их от экономических связей проживавшего рядом русского населения; напротив, татарские земледельческие районы, например, были экономически связаны не друг с другом, а с городами, где преобладали русские. Так как при доказательстве важности признака экономической общности часто ссылаются на В. И. Ленина, то следует напомнить, что В. И. Ленин, признавая большое значение экономических связей в образовании наций, вместе с тем предостерегал против того, чтобы придавать национальным моментам в экономике первостепенное значение, так как капитализм не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации. «Несомненно, что единый национальный состав населения — один из вернейших факторов для свободного и широкого, действительно современного торгового оборота, — писал Ленин. — Но национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»¹³. Растущая национальная буржуазия в конкурентной борьбе стремится, конечно, опереться на народные массы, однако если это и удастся, то не приводит к экономической общности отдельных наций. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что нации в пределах одного государства связаны множеством нитей экономического, правового и бытового характера. Развивая эту мысль, он, в частности, писал: «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны заставляяет на каждом шагу ломать новые и устаревшие национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций»¹⁴.

В работах В. И. Ленина идет речь о многонациональных капиталистических государствах, однако его выводы приложимы и к социалистическим государствам, ибо при социализме, в связи с дальнейшим развитием производства и разделения труда, уничтожением эксплуатации и национального неравноправия, экономические связи

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 148, 149.

¹⁴ Там же, стр. 134.

между нациями не ослабляются, а укрепляются. В настоящее время было бы странным искать какую-то татарскую или, например, башкирскую экономическую общность, отличную от экономической общности русского населения той же территории. Было бы неправомерно определять внутренние экономические связи, внутренние рынки населения СССР только национальными границами и на этом основании относить, например, Донбасс к экономической общности украинской нации, а Караганду — к экономической общности казахской нации. Несомненно, что внутри союзных и автономных республик имеется определенная экономическая общность, но эта общность, связанная, кстати сказать, с теми или иными формами государственного устройства и охватывающая все проживающие там народы, по своему значению уступает экономической общности, экономическим связям всесоюзного масштаба¹⁵.

Своеобразно протекал процесс формирования наций в странах Америки. В отличие от стран Старого Света, где нации формировались, как правило, на базе исторически сложившихся одноязычных групп населения, здесь нации складывались из разноязычных групп европейских переселенцев, которые, осваивая новые территории, смешивались друг с другом и в той или иной степени с коренными обитателями Америки — индейцами, а также с неграми, вывезенными работорговцами из стран Африки. Языком этих наций, возникших на месте колониальных владений, становился основной язык стран-метрополий, дававших, как правило, и главную часть переселенцев. Политические границы в Америке часто проводились по слабообжитым районам, и поэтому роль этих границ на первом этапе сложения наций была здесь значительно слабее, чем в странах Европы. Однако в настоящее время национальные границы, например, в Латинской Америке, — это прежде всего государственные границы; при господстве одного и того же испанского языка в подавляющем большинстве латиноамериканских стран, при общем сходстве культурного уклада люди разных наций отличаются друг от друга главным образом по признаку гражданства: перуанец — это гражданин Перу, чилиец — гражданин Чили, аргентинец — Аргентины и т. д.

Современная эпоха характеризуется развитием национально-освободительных движений в странах Азии и Африки. В результате этих движений, направленных против колониально-империалистического гнета, появилось много государств, население которых обычно имеет довольно сложный этнический состав. Последнее объясняется тем, что большинство этих государств представляет собой либо бывшие феодальные империи (Индия, Бирма и др.), вообравшие в свои границы многочисленные народы и национальности, либо — что чаще всего — колониальные владения, границы которых устанавливались в борьбе колониальных держав между собой, безотносительно к существовавшим в то время этническим рубежам. Империалисты, стремясь укрепить колониальный режим, искусственно задерживали в своих владениях процесс формирования наций, консервируя докапиталистические отношения и племенную организацию. После получения этими колониями независимости в них, как правило, усиливаются процессы национальной консолидации, однако своеобразие этих процессов заключается в том, что в большинстве случаев в отличие от раннекапиталистической Европы они сопровождаются не разъединением, а ближайшим сближением разноязычных этнических групп в рамках существующих поли-

¹⁵ О неприменимости к советским нациям признака экономической общности каждой нации писал еще академик Е. М. Жуков в статье «XXII съезд КПСС и задачи советских историков» («Вопросы истории», 1961, № 12). Та же мысль проступает и в статье М. С. Джунусова, который пишет об общности экономической жизни всех советских наций и народностей (стр. 27).

тических границ. Пока еще трудно предугадать, в какие конкретные формы выльется развитие народов новых государств: пойдет ли оно по пути создания своего рода лингвистических автономий, как это происходит в Индии, или по пути принятия и распространения общего языка, ускоряющего консолидацию в единую нацию, как это происходит, например, в Индонезии. Несомненно, однако, что в тех странах, где процессы национальной консолидации еще только разворачиваются, влияние фактора государственности на образование новых наций путем политического, хозяйственного и культурного сближения разнородных в этническом отношении групп населения в границах уже существующих государств во многих случаях окажется решающим, и такие понятия, как, например, «ганцы» и «нигерийцы», приобретут не только политический, но и этнический смысл.

Возвращаясь к вопросу о научном определении понятия нации, отметим, что признак экономической общности в своем полном объеме, как ясно из вышеизложенного, характерен лишь для наций, имеющих свои самостоятельные национальные государства, и поэтому не может считаться строго обязательным признаком нации. Наличие собственного государства или определенной формы автономии также не является, по-видимому, строго обязательным признаком нации, однако роль фактора государственности в образовании наций и стремление наций к своему политико-территориальному оформлению настолько велики, что на практике при решении вопроса о том, является ли данный народ нацией, именно наличие таких государственных образований или направленных на территориальную автономизацию национально-политических движений, в которые вовлечены основные классы данного народа, обычно служит признаком того, что мы имеем дело с формирующейся или уже сформировавшейся нацией. «Что значит дать «определение»? — писал В. И. Ленин. — Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое»¹⁶. Применительно к определению понятия «нация» это означает установление соотношения его с понятием этнической общности или народа. Вторым методологически важным этапом исследования является установление видовых отличий, то есть признаков, свойственных только данному понятию (нации) и отсутствующих у других понятий, относящихся к тому же роду (например, у народности). Дальнейшие усилия исследователей должны быть, по нашему мнению, направлены на разработку именно этих, до сих пор очень слабо освещенных в нашей литературе проблем.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 149.